

казывался также от христианской недели. Воскресенье исчезало. Праздничным днем становился десятый день декады¹.

Принятие Конвентом нового календаря, устранявшего из жизни христианский календарь, неизбежно придало смелости тем, кто боролся против католической церкви и ее служителей, считая их самой сильной поддержкой далеко еще не свергнутого королевского и феодального строя. Опыт, сделанный революцией с католическим духовенством, которое присягнуло конституции и тем не менее боролось против нее всякими средствами, доказал невозможность привлечь духовенство на сторону прогрессивных идей. Поэтому мысль о том, что следует исключить из государственного бюджета жалование священникам и предоставить уплату их содержания самим верующим, неизбежно возникла перед революцией. Уже в ноябре 1792 г. Камбон поднял этот вопрос в Конвенте. Но Конвент три раза решал удерживать оплачиваемую государством и подчиненную государству национальную церковь, хотя в то же время принимал самые суровые меры против священников, противившихся революции.

Карательные законы, изданные против непокорных священников, были очень суровы. Сперва были изгнаны из Франции все священники, отказавшиеся принять присягу конституции; начиная же с 18 марта 1793 г. назначена была смертная казнь тем, кто будет замешан в беспорядках, вызванных набором, а также тем, кто изгнан из Франции, но будет заарестован на территории республики. 21 октября 1793 г. еще более суровые законы были изданы против духовенства, и изгнанию подлежали также священники, присягнувшие конституции, если только шесть граждан их кантона обвиняли их в противогражданском поведении. Мера эта была вызвана тем, что присягнувшие священники оказывались столь же опасными для революции, как и неприсягнувшие, или так называемые «паписты».

Первые попытки отречения от христианской религии были сделаны в Аббевиле и Невере². Комиссар Конвента Фуше, находившийся в командировке в Невере и, несомненно, действовавший в согласии, а может быть даже и под влиянием Шометта, с которым он встретился в этом городе, объявил 26 сентября 1793 г. войну «суеверию и лицемерию», чтобы установить «служение республике и естественной нравственности»³. Несколько дней спустя, т. е. 10 октября, когда Конвент принял уже новый календарь, Фуше выпустил еще приказ, в силу которого богослужебные обряды могли совершаться только внутри храмов. Все «религиозные эмблемы, воздвигнутые на дорогах», должны были быть сняты. Священники не смели появляться в облачении иначе как в храмах. Похороны должны были совершаться без всякой религиозной церемонии, в полях, обсаженных деревьями, «в тени которых будет возвышаться статуя, изображающая сон. Всякие другие эмблемы будут уничтожены», и «на воротах такого поля, освященного религиозным почтением к останкам предков, будет сделана надпись: *«Смерть есть вечный сон»*». Фуше разъяснял также народу смысл своих декретов материалистическими лекциями.

В то же самое время другой комиссар Конвента, Ленкло, действовавший в городе Рошфоре, обратил приходскую церковь в «храм правды», причем восемь католических священников и один протестантский пастор явились в этот храм 31 октября 1793 г. и сложили с себя священнический сан.

В Париже под влиянием Шометта 14 октября было запрещено совершать богослужение вне храмов, а 16 октября Коммуна приняла сущность декрета Фуше о погребениях.

Что это движение не было внезапно, а подготовлялось всей революцией и ее предшественниками, нет никакого сомнения. Теперь, подбодренная актами Конвента, провинциальная Франция во многих местах выступила на путь «отречения». Так, по инициативе одного посада, Ри-Оранжи, вся местность около Корбейля отрелась от христианства, и ее заявление об этом Конвенту, сделанное 30 октября, было принято Конвентом с одобрением.

---

¹ Восстановление астрономического факта в новом календаре было, конечно, прекрасной идеей (помещение, однако, всех пяти дополнительных дней в *конце* года не так удачно), и имена месяцев были прекрасно выбраны; но помимо предубеждений, которые должны были возникнуть из-за того, что новый календарь возвеличивал революцию, весьма вероятно, что замена семидневной недели (представляющей четверть лунного месяца) десятидневной декадой, слишком длинной для наших привычек, была и будет препятствием распространению этого календаря.

² Во всем нижеследующем изложении я придерживаюсь очень близко прекрасной монографии профессора Олара (Aulard A. *Le culte de la Raison et le culte de l'Etre supreme* (1793–1794). 2^e ed. Paris, 1904). Содержание этой работы передано также в сокращенной форме во втором французском и в русском издании «Политической истории революции» Олара.

³ Он выпустил также приказ, в силу которого каждый священник, находящийся на жалованьи у французского народа, обязан либо жениться, либо принять на воспитание ребенка, либо кормить убогого старика под страхом утраты своего места и жалованья (Aulard A. *Le culte de la Raison...*, p. 27).